

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ И МАТЕРИАЛОВ

Иеромонах Иоанн (Лудищев)

**Архимандрит Серафим (Богоявленский) —
настоятель Сретенского монастыря (1884 – 1890 г.)**

Архимандрит Серафим (Богоявленский) — один из удивительных церковных деятелей XIX столетия, чье имя незаслуженно забыто в годы смуты XX в. Он служил и полковым священником, и долгое время был настоятелем домовой церкви Матросской военной богадельни на Сокольничьем поле в Москве, потом наместником московского Сретенского монастыря. Архимандрит Серафим первым организовал в 1871 г. публичные народные чтения и общенародное церковное пение, и эта практика потом стала распространяться и в других городах и селах России. К нему стекались тысячи людей (и в Матросскую богадельню, и в Сретенский монастырь), чтобы участвовать в общенародном пении за Божественной Литургией. Архимандрит Серафим издал «Краткий исторический очерк Московского Сретенского монастыря», при нем началась реставрация старинных фресок Сретенского собора.

Не известно, при каких обстоятельствах протоиерей Дмитрий Григорьевич Богоявленский принял решение об иноческой жизни, но 25 января 1884 г. в Московском Богоявленском монастыре он постригся с именем Серафим¹. Указом Святейшего Синода от 21 февраля 1884 г. иеромонах Богоявленского монастыря Серафим (Богоявленский Дмитрий Григорьевич) назначен настоятелем московского Сретенского монастыря с возведением в сан архимандрита². В кратком очерке, предваряющем публикацию «Воспоминаний», мы обратимся к одной, пожалуй, самой яркой стороне деятельности архимандрита Серафима — его миссионерским беседам с народом.

Опыт проведения бесед с народом приобретался постепенно. В пору служения в Западном крае, будучи военным священником, иерей Дмитрий старался словом Божиим укреплять сердца солдатские, раскрывать евангельские истины тем, кто готов был их принять, тем более, что в Стрелковом полку служили люди разных национальностей и вер. С 16 ноября 1854 г. краткими пастырскими наставлениями он обратил в православие нижних чинов канонистов и разного звания лиц: из евреев — 192, магометан — 3, католиков — 11, лютеран — 3; итого 209 человек³.

В Москве протоиерей Дмитрий продолжил свою активную катехизаторскую и миссионерскую деятельность. Он проводил беседы в богадельне, где был настоятелем, по воскресным и праздничным дням: зимой с 15 до 19 час., а летом — с 18 до 21 часа. На беседы собирались очень много посторонних людей, и главным образом фабричные рабочие. Как писал сам отец настоятель: «Ко мне на беседы в Матросскую богадельню народ собирался тысячами и, бывало, ждет не дождется воскресного дня, в который происходили беседы». В знак благодарности за труды окрестные жители и рабочие соседних фабрик, с Высочайшего соизволения, испрошенного епархиальным ведомством, поднесли протоиерею Богоявленскому наперсный крест, украшенный дорогими камнями, а затем, в 1875 г., постоянные посетители бесед вручили ему драгоценную икону во имя святого угодника Димитрия. Возрастающий успех этого дела позволил решать и важные материальные вопросы прихода. По особому ходатайству князя Владимира Андреевича на земле, принадле-

¹ Центральный исторический архив г. Москвы (далее — ЦИАМ) Ф. 1184. Оп. 1. Д. 272. С. 1–22.

² Московские церковные ведомости. 1884. № 7.

³ ЦИАМ. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–22.

жавшей богадельне, удалось построить новое здание для читальни вместимостью до 400 человек, с бесплатными классами первоначального образования малолетних детей бедных родителей, живущих в окрестных местностях⁴.

Показательны те скучные факты праздничных встреч, где чествовался архимандрит Серафим. 20 июня 1882 г. в благодарность за собеседование его с народом в читальне богадельни слушатели поднесли ему золотой, украшенный бриллиантами наперсный крест с золотой цепью и надписью: «Дорогому наставнику от благодарных слушателей»⁵. Приняв с благоговением поднесенный ему крест, протоиерей Димитрий возложил его на себя и сказал: «Для подобных событий, для таких минут язык человеческий беден, но зато минуты, подобные настоящим, глубоко запечатлеваясь в душе, не изглаживаются всю жизнь. Принимая... от всех вас, дорогие и возлюбленные мои слушатели, подносимый мне крест, как выражение вашего искреннего ко мне расположения и признательности вашей за мои духовно-нравственные с вами собеседования, я хочу сказать... о том, что я имею от вас уже несколько наград очень ценных, и именно от вас, добрые простолюдины, а потому к вам теперь преимущественно и обращаю мое слово. И в самом деле, разве это для меня не ценная награда, когда я в течение одиннадцати лет постоянно видел и до сего времени вижу сильнейшее ваше желание послушать и усвоить на моих собеседованиях что-нибудь для себя доброе и полезное? Разве не ценная была и есть для меня награда та, что я видел и вижу — с какой охотой, с каким усердием вы собираетесь на мои беседы и с какой любовью, с какой жаждой вы слушаете здесь мои простые, безыскусственные, но, позволяю себе сказать, сердечные слова и наставления, слушаете и, сколько мне известно, слышанное прилагаете к своему образу жизни, стараясь бросить худые наклонности и привычки, и особенно эту страшно губящую наклонность — пьянство? Так, повторяю, разве не ценная это награда? Чрезвычайно ценная, и притом в высшей степени утешительная. Но есть

.....

еще от вас награда для меня за посильное мое делание, и эта награда уже бесценная. Многие из вас мне передавали, что мое имя по многим селам и деревням записано в ваших крестьянских поминальных книжках... Может ли что быть выше и ценнее этой награды? Нет и быть не может. Такие награды доставляли истинное для души моей утешение, в силу которого я забывал и труд, не жалел и здоровья. И действительно, силы мои оскудевают; по совету врачей я должен бы дать отдых утрудившимся моим органам, голосовым преимущественно; но я все-таки не оставляю этого дела во имя того, что такие занятия и для вас, так же, как и для меня, сделались занятиями излюбленными, что вы в праздничные дни идете не на совет нечестивых, не в собрание развратителей, не в те несчастные притоны, где гибнет душа и тело, а собираетесь сюда — в читальню — это скромное убежище, чтобы провести здесь время и спокойно, и с пользой»⁶.

⁴ Лавров А.И. Краткий исторический очерк Императорского Екатерининского богадельного дома. 1775—1875 гг. М., 1875. С.19.

⁵ Токмаков И.Ф. Краткий исторический очерк Московского Сретенского монастыря. М., 1885. С. 23—24.

⁶ Московские церковные ведомости. 1882. № 26. С. 349—350.

После принятия монашества и назначения настоятелем в Сретенский монастырь круг деятельности отца Серафима еще более расширился. В Сретенском монастыре он продолжил свои публичные собеседования с народом. Они открылись в обители по благословению митрополита Иоанникия 7 октября 1884 г. Архимандрит Серафим писал: «После настоятельства и других дел и поручений, полагаемых на меня волей начальства, я считаю моим главным делом собеседование с народом, направленное к улучшению его жизни»⁷.

Газета «Московские церковные ведомости» так описала первую состоявшуюся с народом встречу: «Предметом беседы было изложение учения Христа Спасителя, предложенного им в нагорной беседе Своим ученикам и апостолам. Это учение было раскрыто не все в совокупности и не во всех подробностях, как изложено у евангелиста Матфея, а были взяты из него лишь некоторые части, на которые и было предложено объяснение. Так, было рассмотрено учение Христово о гневе на брата своего, учение о седьмой заповеди, о клятве, о любви ко врагам, и благотворении ненавидящих нас, о милостыне, посте, молитве, о житейских попечениях и об осуждении ближних наших. В начале беседы, в виде вступительной речи к ней, отец архимандрит сказал несколько слов о духовных собеседованиях вообще. Между прочим, он упомянул, что открываемые им духовные беседы с народом не новое дело, что он уже имел возможность 13 лет вести подобные собеседования в Матросской богадельне, когда был еще в сане протоиерея. Из этих бесед, которые происходили каждый воскресный день, он по своему личному опыту убедился, как жаждет наш простой народ послушать слово Божие и как глубоко в нем вкоренено это чувство религиозной потребности. Затем отец архимандрит указал, что в настоящее время и среди так называемого интеллигентного общества пробуждается сознание и открывается верный взгляд на духовные собеседования, как на училище веры и благочестия, которые сделались необходимой потребностью в нашей нравственной жизни. По почину Москвы и Петербурга такие собеседования получили широкое распространение по всей России, встречая глубокое сочувствие во всех слоях нашего общества. Первая беседа продолжалась более часа и увлекла слушателей своей

Князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810-1891) –
московский генерал-губернатор

необыкновенной живостью и сердечностью»⁸. Беседы, как уже говорилось, проводились по воскресным и праздничным дням.

Успех проповеди вызвал интерес и в чиновничий среде. 10 и 17 февраля 1885 г. на собеседования архимандрита Серафима с народом приезжал московский генерал-губернатор князь В. А. Долгоруков и оставался во все время собеседования⁹.

Газета так осветила это событие: «Собеседователь, настоятель монастыря архимандрит Серафим, пропев предварительно со всем собравшимся народом молитвы „Царю Небесный“, начал беседу объяснением Недели Православия, указал при этом прежде на первоначальное происхождение икон, говорил об их почитании, о гонении, воздвигнутом на иконы... Потом счел нужным объяснить совершающуюся литургию Преждеосвященных даров, говорил для чего и кем она составлена и почему положено совершать ее только в Великий пост. В заключение беседы под руководством отца архимандрита

⁷ Токмаков И.Ф. Указ. соч. С. 32.

⁸ Московские церковные ведомости. 1884. № 42 С. 549–550.

⁹ Там же. 1885. № 9. С.161.

собравшимся народом было продолжено начатое в прошлую беседу повторение литургийных песнопений, на этот раз пропеты были: Херувимская песнь и Символ Веры. Собеседование окончено было обычным установившимся всенародным пением „Достойно есть“ и вслед за этим началось вечернее богослужение, куда пошел почти весь собравшийся на беседу народ»¹⁰.

Архимандрит Серафим еще в пору своего пребывания в Матросской богадельне значительную часть времени уделял пению церковных песнопений и «своими энергичными и умелыми трудами достиг того, что эти песнопения довольно стройно исполнялись слушателями не только на собеседовании, но и в богадельной церкви всеми молящимися, в количестве нескольких сот человек»¹¹. В Сретенском монастыре приобщение народа к церковному пению продолжилось.

Находясь в Сретенском монастыре, архимандрит Серафим писал: «Я занимаюсь с народом церковным пением и пытаюсь восстановить порядок первобытной Христианской Церкви, когда все присутствовавшие на церковном богослужении пели все церковные службы. Участие предстоящих в церковном пении принято ныне только в казенных и частных учебных и воспитательных заведениях, даже в войсках. Памятником общего участия народа в церковном пении остались надписи в богослужебных книгах: *поет лик* (т. е. клирос), *поют люди* (т. е. народ). Общенародное пение может иметь весьма важное влияние на пробуждение и укрепление в православном народе религиозно-церковной жизни»¹².

В «Московских церковных ведомостях» за 1886 г. мы находим указание, что 25 марта Божественная Литургия в Сретенском монастыре была пропета всем собравшимся народом под управлением архимандрита Серафима. В этот день обширный храм Владимирской иконы Божьей Матери был буквально переполнен народом, стекавшимся со всех краев столицы, чтобы участвовать в общем всенародном пении. Не только храм и паперть, но даже и церковный двор сплошь были заняты многочисленным народом. Стойко, плавно, отчетливо пропели присутствовавшие в церкви все литургийные песнопения. Но особенно громадное впечатление произво-

дило на молящихся пение Херувимской песни, которое представляло величественную, потрясающую до глубины души картину. По словам некоторых участников, подобного они никогда не слыхали. Это было не пение только, простое и задушевное, а в то же время и молитва, искренняя, горячая молитва, исходившая из глубины сердец тысяч верующих христиан. Смотря на эту массу поющих людей всех возрастов и всякого сословия, невольно переносишься мыслью в века давно прошедшие, в века первоначального распространения христианства, когда верующие собирались вместе и единым сердцем и устами воспевали хвалу Господу Богу. Всенародное церковное пение благодаря такой самоотверженной деятельности с каждым годом распространялось все более и более. Через это пение народ делается грамотнее, более осмысленно относится к церковным службам и более понимает их, наконец, чаше и усерднее посещает храм Божий¹³.

С конца сентября 1886 г. отец Серафим установил такую практику: в одно воскресенье проводится собеседование (в 14 час. пополудни), в другое — всенародное пение поздней Божественной Литургии в 9 час. утра¹⁴.

К сожалению, в сентябре 1887 г. вследствие расстроившегося здоровья архимандрит Серафим вынужден был прекратить духовно-нравственные собеседования и пение Божественной Литургии с народом, но по неотступным просьбам периодически их возобновлял¹⁵. Например, с 17 января 1888 г. в течение трех воскресных дней до Великого поста весь молящийся народ участвовал в Литургии¹⁶.

В 1885 г. вышла книга «Московский Сретенский монастырь. Издание архимандрита Серафима». Исторический очерк о монастыре по просьбе отца Серафима был составлен известным церковным историком, библиотекарем Главного архива Министерства иностранных дел в Москве Иваном Федоровичем Токмаковым. Последний писал в книге о настоятеле Серафиме: «Архимандрит Серафим назначен 21 февраля 1884 года из иеромонахов московского Богоявленского монастыря, с возведением в сан архимандрита; до того времени Серафим (в миру протоиерей Дмитрий Григорьевич Богоявленский)

¹⁰ Там же. № 8 С. 142.

¹¹ Московские церковные ведомости. 1884. № 2. С. 14.

¹² Токмаков И.Ф. Краткий исторический очерк Московского Сретенского монастыря. М., 1885. С. 33.

¹³ Московские церковные ведомости. 1886. № 14. С. 218–219.

¹⁴ Там же. № 38.

¹⁵ Там же. 1888. № 16. С. 2.

¹⁶ Московский листок. 1888. № 22. С. 2.

был двенадцать с лишком лет настоятелем при церкви Императорской Екатерининской Богадельни в Москве»¹⁷.

Архимандрит Серафим в свою очередь так объяснял необходимость появления исторического труда о монастыре: «Издавая книгу, я, прежде всего, имел в виду дать читателям то, что следует ради назидания давать православному русскому народу, желающему знать древние судьбы наших отечественных святых. Сделавшись настоятелем Московского Сретенского монастыря, я тотчас убедился, что святыня и древность такого монастыря не может быть оставлена без особого внимания ни мною самим, ни тем православным народом, который вскоре стал просить меня побеседовать о святыни монастыря и истолковать его древность. Поэтому, прежде всего, решился издать краткое сказание Муравьева, разделивши его на малые главы для лучшего уразумения и большего назидания. Уважая любовь народа к иконе в церкви и в картине в частном быту, я нашел нужным присовокупить к Сказанию рисунки видов Сретенского монастыря и Успенского собора. Мне хотелось потом дать и людям ученым историческое описание монастыря, по возможности изложенное на основании старинных документов и актов, хранящихся в архивах — в рукописях, равно снабженное и сводом всего, что о Сретенском монастыре напечатано в старое и новое время в книгах»¹⁸. Также архимандрит Серафим делится с читателем надеждой, что вскоре наступит для него необходимость восстановить в благолепнейшем виде святыню и древность славного Сретенского монастыря, что он желает восстановить иконописание и украшение стен по древним образцам¹⁹.

Более подробные сведения о реставрации мы находим в книге Г.А. Романова: «В 1886 году архимандрит Серафим поднимает вопрос о реставрации настенной живописи и иконостаса собора Сретенской обители. 16 мая 1886 года он подает митрополиту Иоаннику прошение: „Настенная живопись священных событий и лиц в соборном храме Сретенского монастыря от времени потемнела, а по местам вовсе уничтожилась, а потому требует возобновления, так как живопись сия существует более 200 лет и должна

быть возобновлена в настоящем ее виде... Нужно сделать сношение с Археологическим обществом, дабы монастырь мог найти способных для сего дела художников и определить потребные для сего расходы, на которое будет испрашиваемое милостивое вашего Высокопреосвященства разрешение»²⁰.

20 декабря 1886 г. Археологическое общество письменно поддержало желание «возобновить живопись в прежнем виде». Отец архимандрит договаривается с иконописцем-палешанином Николаем Михайловичем Сафоновым. Сафонов к тому времени заканчивал реставрацию росписи Благовещенского собора Московского Кремля, для выполнения которой его рекомендовал как «знающего и добросовестного исполнителя» известный москововед и историк Иван Егорович Забелин. 1 июня 1887 г. товарищ председателя Археологического общества графиня Уварова, курировавшая реставрационные работы древних памятников столицы, одобрила выбор архимандритом Серафимом известного специалиста Сафонова²¹.

При архимандрите Серафиме в Сретенском монастыре продолжали совершаться традиционные крестные ходы на 23 июня и 26 августа. Важно отметить, что с 1884 г. они проходили из кремлевских соборов и уже из кафедрального собора Христа Спасителя²².

Архимандрит, как уважаемый и почтенный пастырь, приглашался на важные церковно-государственные мероприятия, проходившие в столице. 1 сентября 1887 г. минуло 75 лет с того времени, как военачальник русских сил князь М.И. Кутузов в подмосковной деревушке в Филях, в избе крестьянина Фролова на военном совете решил сдать Наполеону первопрестольную столицу без боя. В воспоминание этого великого в истории России события, в с. Покровском на Филях по инициативе Общества московских хоругвеносцев, которое на месте сгоревшей дотла фроловской избушки выстроило новую, очень красивую и по плану совершенно похожую на сгоревшую, преосвященным Мисаилом, епископом Дмитровским в сослужении настоятеля Сретенского монастыря архимандрита Серафима и причта храма Христа Спасителя с местными священнослужителями

¹⁷ Токмаков И.Ф. Указ соч. С. 23.

¹⁸ Там же. С.31–32.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Романов Г.А. Русский синодик. Помянник Московского Сретенского монастыря. Исторический справочник. М., 1995.

²¹ Там же. С. 226–227.

²² Токмаков И.Ф. Указ. соч. С.20

Екатерининская Матросская богадельня

ми была совершена Божественная литургия в Покровском храме²³. Деятельность архимандрита получает высокую оценку и одобрение, о чем свидетельствуют и награды. В 1887 г. ко дню Святой Пасхи архимандрит Богоявленский был награжден орденом святого Владимира 3-й степени²⁴.

Известны некоторые пожертвования сделанные архимандритом Серафимом. От него в совет православного миссионерского общества поступило кружечного сбора за вторую половину 1884 г. — 34 руб. 80 коп.²⁵, а в июле 1885 (за первую половину года) — 33 руб. 20 коп.²⁶, в январе 1886 года (за вторую половину 1885 года) — 32 руб. 10 коп.²⁷, в марте 1886 г. — 10 руб.²⁸, в июле 1886 года — 35 руб. 30 коп. (за первую половину года)²⁹, за вторую половину

1886 г. — 30 руб. 95 коп.³⁰, в июле 1887 года (за первую половину года) — 35 руб. 5 коп.³¹, за январь 1889 г. — 30 руб. 25 коп.³², в марте — 36 р. 20 коп.³³, в июле 1889 г. — 34 руб. 45 коп.³⁴, в январе 1890 г. (за вторую половину 1889 г.) — 30 руб. 25 коп.³⁵, на братство святой равноапостольской Марии с 22 июля 1884 г. по 22 июля 1885 г. Сретенским монастырем было пожертвовано 100 руб.³⁶ (33 руб. от братии, остальное — кружечный сбор), на 1887 г. — 110 руб. (по подписным листам 1885 г.)³⁷. Пожертвования в пользу Кирилло-Мифодиевского братства в 1885 г. — 125 руб. от московского Сретенского монастыря³⁸. Добровольное пожертвование на стипендию императорского Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Иоанникия, митро-

²³ Московские церковные ведомости. 1887. № 36. С. 473.

²⁴ Там же. № 15.

²⁵ Там же. 1885 № 17 С. 60.

²⁶ Там же. № 35 С. 135.

²⁷ Там же. 1886. № 14.

²⁸ Там же. № 22.

²⁹ Там же. № 28 С. 118.

³⁰ Там же. 1887 № 16 С. 62.

³¹ Там же. № 34 С. 133.

³² Там же. 1889. № 10.

³³ Там же. № 19. С. 65.

³⁴ Там же. № 30.

³⁵ Там же. 1890. № 7 С. 16.

³⁶ Там же. 1885 № 25. С. 91.

³⁷ Там же. 1887. № 4.

³⁸ Там же. 1885 № 40. С. 582.

Екатерининская Матрёсская богадельня

полита Московского в Мариинское епархиальное женское училище от настоятеля Московского Сретенского монастыря архимандрита Серафима — 100 руб. в 1886 г.³⁹.

В феврале 1890 г. архимандрит Серафим был переведен в Крым настоятелем Балаклавского Георгиевского монастыря, где и скончался 9 августа 1890 г.⁴⁰ 20 августа в московском Симоновом монастыре прошли его похороны. Заупокойную литургию совершил преосвященнейший Виссарион, епископ Дмитровский в сослужении архимандрита Андрея и братии. Епископ Виссарион сказал в памятном слове, что покойный был членом московских благотворительных обществ, принимал активное участие в комиссии народных чтений, по его инициативе учреждены были в Москве собеседования с народом и всенародное церковное пение. Он первый поднял в столице вопрос о празд-

ничном отдыхе для приказчиков, послуживший затем предметом многочисленных дебатов в Московской городской думе⁴¹.

В «Чтениях Общества любителей духовного просвещения» за 1880 г. сохранились автобиографические воспоминания тогда еще протоиерея Димитрия Григорьевича Богоявленского о своем детстве, о службе полковым священником, о преподавании в военных учебных заведениях и деятельности в качестве настоятеля Воскресенской церкви при Екатерининской богадельне. Это ценный источник по церковной истории второй половины XIX в., написан литературно одаренным человеком, наблюдательным и духовным.

*Автор благодарит за помощь
архимандрита Тихона (Шевкунова)
с братией, Г.А. Романова, А.Л. Бабаеву,
В.В. Абросимова, А.И. Осипову.*

³⁹ Там же. 1886. № 34.

⁴⁰ Там же. 1890 № 34. С. 415.

⁴¹ Там же. 1890. № 36 С. 438.

Воспоминания протоиерея Димитрия Богоявленского⁴²

Происхождение мое очень незавидное. Отец мой был бедный причетник села Алексина, Ковровского уезда, Владимирской губернии, имел восемь человек детей. Рождение в такой бедной и многочисленной семье — что могло обещать мне впереди, какая перспектива могла рисоваться в будущем, кроме горькой нужды и различного рода лишений и недостатков во всем. Так оно и было. Годы моего детства протекли мирно, безмятежно, в младенческой бессознательности бедного положения моих родителей, в обычновенных забавах и играх невинного возраста. Счастливые были эти годы, доброе было это время!.. Не знал я, как и вообще все дети, ни нужды, не знал я ни горя, не имел никаких забот, кроме одной заботы, чтобы быть сытым, не быть голодным. Мрачную картину бедности моих родителей я нарисовать не мог, — что они выбивались из сил, и как им было трудно прокормить и воспитать такую огромную семью, — мне это не представлялось, до этого я не мог додуматься. Каждый день, набегавшись и наигравшись, я засыпал ночью также сладко, как и днем, растущее во всем довольстве и неге. Но с горькой действительностью я встретился скоро, безвыходную бедность и нужду я узнал, когда был отдан на девятом году своего возраста в духовное училище. С этого времени и до окончания полного семинарского курса я постоянно пил и до конца выпил горькую чашу бедности, поднесенную моим происхождением. Не знаю, описывать ли картину нашей школьной жизни, нашего учения, наших квартир, нашей пищи? Описывать ли, что мы, преимущественно бедные ученики, терпели от нашей бедности, какие переносили лишения вдали от наших несчастных родителей, которые, отправив нас в училище, а потом в семинарию почти с пустыми руками, только и знали, что слезами своими постели свои орошили, представляя нас на чужой стороне и голодными, и холодными? Так, говорю, описывать ли? Не лучше ли, чтобы не растревлять раны сердечные, воспоминая эту вопиющую прошедшую бедность и ту горечь, которую пришлось пить в период воспитания и образования; не лучше ли, говорю, опустить завесу на эту мрачную картину? Да, гораздо лучше, и тем более, что об этом много было писано. Итак, при Божией помощи,

этот скорбный путь бедности, который выпал на мою долю при воспитании и образовании, был, с разнообразными материальными недостатками и лишениями, пройден, и я окончил полным семинарский курс; в академию же или университет я не мог поступить в силу той же бедности.

По окончании курса предметом всех моих дум и желаний было — как бы поскорее получить место — быть священником и не быть уже в тягость бедному моему отцу. Я никак тогда не представлял, что обязанность священника так тяжела и так ответственна и перед Богом, и перед своей совестью, и перед пасомыми, как говорили мне тогда многие из почтенных людей. Я смотрел на должность священника более с материальной стороны, как на приют от гнетущей бедности; а потому всеми силами старался скорее определиться на место. Это время было 40-х годов, время тесное для получения места. Прошел круглый год в изысканиях, в продолжение которого, правда, представлялось мне несколько мест, но из них ни на одно я не мог поступить по разным причинам. Господь, как и теперь совершенно понимаю, видимо вел и указывал мне быть священником не на родной стороне, а далеко от родины, совершенно в иной среде, с которой положительно не был и знаком. По прошествии года неудачных изысканий для себя места мне пришло на мысль написать и описать обо всем, что было со мной в год приискивания места, то есть, что мне представлялось в местах, и на что я должен был решаться, — написать к дальнему родственнику, занимавшему в Петербурге довольно видное место, и просить его, чтобы он принял во мне участие и похлопотал об определении меня в какой-либо должности. Отправивши к нему письмо, я недолго находился в мучительных ожиданиях, он не замедлил с ответом. Я получил скоро от него письмо, которым он предлагал — не желаю ли я поступить в полк священником? Не имея понятия о полковой жизни, не зная решительно военного быта, я почему-то (видно, так было угодно Господу) не долго размышлял над решением этого вопроса; и на другой же день, по получении от него письма, я отправил по почте в Петербург прошение к покойному бывшему главному священнику армии и флотов Василию Ивановичу Кутневичу об определении меня священником в один из полков вверенного ему ведомства. Назначение мое состоялось также скоро.

⁴² Печатается по: Богоявленский Д.Г. Мои Воспоминания / Чтения Общества любителей духовного просвещения. 1880. Ч. 2. Кн. 7. С. 234–256. (В современной орфографии).

Указом Святейшего Правительствующего Синода я был определен младшим священником в Суздальский пехотный полк.

Женившись и получив благодать священства (рукополагал меня покойный преосвященнейший Парфений, архиепископ Владимирский и Суздальский), медлить было нельзя, нужно было отправляться к месту назначенного мне служения. Начальство не замедлило мне выдать погоны и подорожную. И вот, собравшись по походному и простившись со всеми близкими и дорогими сердцу, при разлуке с которыми много было пролито слез, мы, только вдвоем с молодой женой, перекрестились, вздохнули, предали себя в волю Божию и отправились в дальний путь к жизни новой, совершенно неизведанной. После утомительного путешествия, впрочем, без особых приключений, мы, наконец, прибыли в то место, где расположенный был Суздальский полк. Явившись и представившись кому следует, я вступил в отправление своих обязанностей. Настала новая для меня жизнь, я поступил опять в школу — школу жизни, которая оказалась гораздо труднее всех школ, где мы получаем научное образование. Я тогда только узнал, что наука жизни есть труднейшая из всех наук. Каждый день стал приносить мне новость, каждый день я начал сталкиваться с новыми лицами, новыми предметами, новыми обязанностями. Нужно было действовать осмотрительно, благоразумно и прилично. А ведь, положа руку на сердце, надобно откровенно сознаться, что, являясь в свет прямо со школьной скамьи и становясь лицом к лицу с обществом, мы выказываем себя во многом профанами. Это, конечно, зависит от той замкнутости, особенно в те былые времена, от того положения, в которое мы были поставлены в период школьного образования; мы ведь были разъединены с обществом, мы не видели, не знали его. Вследствие такого положения, надобно было каждый день серьезно заниматься наукой жизни, чтобы жить и действовать не *якоже не мудри, но якоже премудрии*. При помощи Божией и собственной внимательности ко всему, мало-помалу я знакомился с жизнью, своими обязанностями и людьми; зажилось было хорошо; стала забываться бедность и нужда. Но, видно, земное счастье (действительно, с час времени, как кто-то определил слово «счастье») и радости не продолжительны. На светлых днях моей жизни опять показалось темное облако печали. На втором году моего священнического служения я должен был разлучиться с молодой женой. Разлучиться!.. Сказать только это легко, а перенести, пережить время разлуки — весьма трудно; это знает тот, кто испытал подобное положение.

Объявлен был войскам поход. По повелению блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича наши войска должны были идти на помочь Австрии для усмирения возмущившихся провинций Венгрии и Трансильвании. По распределению наш полк должен следовать в Западный край. По законам военного времени женатые воинские чины не должны брать с собой в поход жен, а должны оставлять их в местах расквартирования полков, где они будут пользоваться казенными квартирами и прислугой. В силу такого постановления я и должен был разлучиться с женой. Впрочем, я не оставил ее в том городе, где расположен был полк, но отправил на время кампании к родителям ее. Опять горе, опять слезы при расставании с любимой женой. Теперь как-то стыдно признаваться в таком малодушии, но ведь и для священника есть пора робкой и чувствительной молодости... Однако, сколько ни плачь, а законам необходимости покориться нужно; нам нужно было расстаться. Мы расстались. О сердечном нашем состоянии в минуты прощания предоставляю судить тому, кто испытал подобное положение. Описывать же такое состояние очень нелегко — вещь мудреная, — оно трудно поддается перу. Проводивши жену, я собрался вполне уже по походному, то есть имея при себе только самое необходимое, и потащился за полком с одним денщиком, который своей особой или, лучше сказать, в своей особе совмещал для меня и повара, и кучера. Возле моей повозки следовали, конечно, по образу пешего хождения, как бы в виде ассистентов, два мои церковника. Полк наш потянулся к западным границам.

Походная жизнь в военное время много имеет горького, но из самой горечи выделяется немало и приятного. Недостатки и лишения, в самых иногда необходимых жизненных потребностях, были для всех служащих в полку одинаковы; что терпел один, то терпел и другой, и пятый, и десятый и т. д. Эти одинаковые нужды заставляли всех и каждого ближе быть друг к другу, и полк в это время представлял из себя, в полном смысле, одну семью согласную, любовную; чины и ранги забывались, стушевывались. Во время похода, все воинские чины наглядно показывали собой известную русскую поговорку: что есть — вместе, а чего нет — пополам. В силу такой связи горькое забывалось, а навевало чем-то отрадным, приятным, успокоительным. Полк наш потянулся к западным границам, как и сказал; походы были продолжительные тогда и утомительные; железных дорог не было. Следуя за полком, пришлось проехать и видеть те знаменитые места, которые красноречиво говорят о 1812 году — этой тяжкой

године испытаний, в которую как нельзя яснее каждому из верующих виден был правосудный и милосердный Господь, наказующий и милующий и в которую так громко сказалась вся сила, вся мощь русского народа и его беспредельная любовь, полагавшая души свои за веру, Царя и отчество. Пришлось видеть знаменитое поле Бородинское с его великолепным памятником, который стоит один среди огромного поля, как свидетель славных дел минувших. Окинувши взором поле, я подошел к памятнику с чувством глубокого смирения и благоговения, опасаясь нарушить покой почивающих здесь героев, снял шляпу, оградил себя крестным знамением и пропел «вечную память» всем православным воинам, жизнь здесь положившим. Поклонившись до земли, я простился с ними и мысленно сказал: «Спите спокойно вы, великие подвижники, до того радостного утра, когда пробудит вас труба Архангела, чтобы явиться за получением вечной, неувядаемой награды за труд вашей любви и услышать от праведного Судьи вожделенный призыв: *придите благословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира, так как больши сея любы никто же имать, да кто душу свою положит за други своя* (Иоан. 15, 13). Итак, спите спокойно, а нас благословите на дело ратное». С грустными мыслями я оставил безмолвное поле Бородинское и день за днем подвигался за полком дальше. Миновали Вязьму, прибыли в Смоленск. Здесь пробыли мы целые сутки, которыми я воспользовался, чтобы осмотреть город с его святынями и памятником, с его твердынями, которые громил Наполеон своими полчищами. Перед городом Красным меня остановил опять памятник, воздвигнутый на том самом месте, где происходил ожесточенный бой с бегущим уже неприятелем, и где одна батарея несколько раз переходила из рук в руки. Когда я с несколькими офицерами рассматривал памятник, то вышел к нам из дома, построенного близ памятника, один ветеран, украшенный знаками отличия и живущий здесь в качестве смотрителя за памятником. Разговаривая, мы узнали от него, что он артиллерийскийunter-офицер и был на этой самой батарее в тот страшный бой под Красным, когда она несколько раз переходила из рук в руки, и что он поставлен сюда в качестве смотрителя за памятником покойным великим князем Михаилом Павловичем. Как интересно было слушать рассказ о всех подробностях этого сражения от живого героя. Поблагодарив за его любезное повествование, мы простились с ним, а он остался доживать свой век здесь — на том месте,

где во время оно, вероятно, он и не думал оставаться в живых. Проехав Красный, мы вступили в Белоруссию. Первая станция от Красного — это местечко Ляды. <...> Следуя далее, в глубину Западного края, довелось испытать, как православному, еще сильную душевную скорбь при виде униженного православия в этих местах. Православный храм здесь в селениях едва виднеется и выглядывает как-то робко своей бедностью, а рядом с ним высится великолепный костел со всем своим богатством. Как грустно смотреть на такую постановку дела православному сыну России, в которой господствующая церковь есть православная. Но главное зло здесь — ксендзы. Эти ксендзы все те же средневековые монахи, если не с факелом в руке, так с грозным словом о пекле (аде) для своих пасомых. Ксендзы всюду и пред всеми унижают православие и своим хитрым иезуитским умом, вкрадываясь в простые души, незаметно проводят свои заветные идеи. Да, Римская курия не перестает пропагандировать! Мысль о всеместном господстве над церковью не перестает занимать умы владык Ватикана!.. По пути следования за полком, пришлось проехать через город Борисов, близ которого мы переправлялись через реку Березину, недалеко от того места, где погрязли колесницы и всадники Наполеона, где река буквально была запружена телами неприятельскими, где и сам Наполеон попал бы в плен, если бы не успел ускакать в простых русских санях. Во все времена Венгерской кампании, наш полк переходил с одного места на другое по Белоруссии и Литве, но не суждено ему было переступить границу, так как военные действия скоро окончились. Венгерские войска положили оружие и сдались единственно русским войскам, но не австрийским. Кампания была кончена. Австрия была спасена, да уж и отблагодарила она великодушную и сострадательную Россию, да и в настоящее время примерно благодарит!.. Зиму следующую мыостояли в Литве, а летом возвратились в Москву, это было в 1850 году. Жена ко мне приехала; мы опять были вместе, забыли горькое время разлуки, и я не представлял, что скоро опять посетит меня страшное испытание, что постигнет меня невыносимое горе, а между тем, грозная туча действительно собиралась над моей бедной головой.

Настал 1853 год. Этот год не забудется, с него начались тяжелые испытания для матушки России, любезного нашего отечества. Россия всегда принимала к сердцу страдальческое положение восточных христиан, находящихся под властью турок. Много было войн у России с Турцией

за угнетаемых христиан, подданных ей, пресловутой Порте, и после каждой войны мирными трактатами уничтожались притеснения христиан и выговаривались разные льготы для них. Но эти постановления трактатов оставались только на бумаге (как это доказывается и теперь, после минувшей войны, виноват же Берлинский ареопаг), а на деле не улучшалась жизнь христиан, а ухудшалась. В 1853 году положение наших братьев, восточных славян, сделалось невыносимым, и вот, после дипломатических переговоров, которые не привели к желаемым результатам, Его Императорское Величество, покойный Государь Император Николай Павлович объявил войну Турции единственно за страдальцев христиан. Началась незабвенная година испытания, всему миру известная геройская, беспримерная защита Севастополя. Россия, однако, стала лицом к лицу не с Турцией только, а почти со всей Европой. Многие Европейские державы, именующиеся христианскими, по какой-то непонятной, но не перестающей и до сего дня злобе и зависти против России, вступились за неверных, предложили свои услуги и войском, и деньгами заклятым врагам христианства (как это было и в минувшую войну) и пошли вместе с дикой ордой против христиан. Ведь это срам и позор цивилизованным народам, именующимся христианами. Беспристрастный суд истории и потомства произнесет над ними должный приговор. Это черное пятно не смоется, а навсегда останется в истории этих государств, променявших Спасителя Христа на лжеца магомета. Вот что значит эгоизм и корыстные расчеты! Да, 1853 год не забудется по тем испытаниям и бедствиям, которые начались с него для России и продолжались до 1856 года. Но для меня, в частности, этот год не забудется до гробовой доски. Год этот для меня роковой, злополучный, страшный; с этого года для меня началась новая эра, новая жизнь, жизнь до последней степени горькая, одинокая — я овдовел в этот несчастный для меня год! Злая чахотка сразила дорогую жену мою, она меня оставила горе мыкать с пятимесячным сыном (ныне тутор⁴³ и преподаватель лицея цесаревича Николая). Овдовел!.. Это слово страшно вымолвить и теперь, после 27-летнего вдовства. Но что было со мной тогда, в первое время моего злополучного вдовства, я и передать не могу! Когда посетил меня Господь этим единственным для священника лишением и несчастьем, то в первое и очень долгое время я не мог вдуматься в

мое горькое положение, я не мог дать себе отчета, что со мной случилось, и что такое я теперь! Я думал только одно, что никак не свыкнусь с моей безысходной горькой долей. Овдоветь и простому человеку — мирянину, для которого есть выход из этого несчастья, и то крайне тяжело и горько; недаром, поэтому, и составил русский человек поговорку: «лучше семь раз гореть, но ни разу не вдоветь», но овдоветь священнику и притом в цвете лет, в молодости — это ужасно!.. Вдовство для священника — это такой тягостный крест, что без помощи Бога Всемогущего не снесешь его, он задавит своей тяжестью. Вот почему, к крайнему прискорбию, случается иногда видеть, как некоторые из собратий наших, при подобном тяжелом испытании, безутешно предаваясь печали, думая забыть свое горькое положение — прибегают к горькому же... Что же, осуждать ли таких несчастных? Боже сохрани! Надобно скорбеть о них, жалеть их и молить Господа, чтобы Он дал им силу и крепость нести возложенный на них крест, и чтобы избавил, удержал их от тех ложных утешений, к которым они прибегают, но которые прибавляют к несчастью еще другое несчастье, и притом гибельное. Благодарю моего Создателя, что, послав на меня такое испытание, Он милость велию оказывал мне, являя в трудном моем положении Свою всесильную помощь и благодать. В минуты тяжелые на первых порах моего вдовства, в минуты почти невыносимые, я, как нельзя яснее, видел исполнение Его святейшего непреложного слова, сказанного Им апостолу Павлу: *сила Моя в немощи совершается*, — и тогда тихая радость и спокойствие водворялись в истерзанном моем сердце. И вот, тогда-то я всеми силами старался постоянно памятовать и произносить из глубины души моей изречение царственного пророка: *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим*. Итак, благодарение Господу о всем и за все! Слава Ему Премудрому!..

Похоронивши с дорогой женой все мои радости, осталось для меня одно утешение — это малютка, сын. На нем-то теперь сосредоточилась вся моя любовь и все мои заботы. Жизнь для меня стала дорога, потому что она опиралась на жизнь моего сына. В горьком моем положении принял самое теплое сердечное участие незабвенный мой начальник, покойный главный священник армии и флотов, Василий Иванович Кутневич (да упокоит Господь душу его, идеже

⁴³ Ктитор.

вси праведни упокоются); он выразил письменно ко мне свое душевное сожаление о постигшем меня несчасти. Такое его сочувствие ко мне, вероятно, проистекло из понятного и прочувствованного им самим вдового положения, так как последние 25 лет своей жизни он также вдовствовал. Начались передвижения войск по случаю объявленной войны 1853 — 1856 годов. Сузdalский пехотный полк, в котором я служил, получил назначение идти в Севастополь, значит и я должен был за ним следовать туда же. И вот, Василий Иванович Кутневич, вследствие сердечного участия в моем горьком положении, чтобы не разлучать меня с малюткой сыном моим, переводит меня во вновь формирующуюся в Москве резервную дивизию, полагая, что она или совсем не пойдет в поход, или пойдет нескоро, а будет обучать рекрут и пополнять ими убыль в полках. Итак, я переведен был в 4-ю бригаду резервной дивизии 2-го корпуса священником и, в это же самое время, назначен я был благочинным над духовенством резервных бригад этой дивизии. Но прошло только три месяца от того времени, как я переведен был в резервную бригаду и утвержден благочинным, как назначен был поход и этой резервной дивизии, в которую я был переведен. Таким образом, мысль моего благодетеля не осуществилась — я должен расстаться со своим малюткой, и действительно расстался, отправив его к престарелым моим родителям. Расстаться с ним мне было также тяжело, как тяжело было расстаться с женой на время Венгерской кампании. Много тогда в истерзанной душе моей родилось самых грустных мыслей: «Малютка, одного года, осталася без отца и без матери!.. Грустно становится и теперь, когда вспомнишь это пережитое, горькое время. Таким образом, отправился я в поход с резервными войсками. Пошла та же опять походная жизнь, с теми же лишениями, как было и во время Венгерской кампании. Пришлось проходить и в эту войну по тем же местам, по каким проходил в минувшую Венгерскую, именно: по Белоруссии, Литве и царству Польскому. Покровитель мой, Василий Иванович Кутневич, не забывал меня и в походе, помнил обо мне и выжидал случая — дать мне постоянное место для воспитания сына. В Москве, во 2-ом учебном Карабинерном полку священническое место сделалось вакантным, и я, проведя в походе только один год, был переведен главным священником в означененный полк на священническое место. По получении официального уведомления о моем перемещении, военное начальство мне выдало прогонные деньги и подорожную, и я поехал

из Царства Польского, где до этого времени находился с резервными войсками, на почтовых, перекладных, в Москву — место постоянного расположения и пребывания 2-го учебного Карабинерного полка. Ехал я без остановок и день, и ночь, с нетерпением желая скорее видеть малютку сына моего, и через пять дней прибыл в Белокаменную; но к месту нового своего служения явился не тотчас по прибытии в Москву, а отдохнув от утомительной почтовой езды один день, я отправился во Владимирскую губерию к престарелым моим родителям, чтобы повидаться с ними и взять сына моего, который был мной отправлен к ним на время моего военного похода. Приезд мой чрезвычайно обрадовал стариков; погостили у них несколько дней, я простился с ними, приняв родительское их благословение на новую жизнь, и отправился с сыном в Москву. Явившись здесь начальству и приняв церковь и все, что должно принадлежать и лежать на ответственности священника, как настоятеля церкви, от предместника своего, протоиерея С. П. Гумилевского, я переехал на казенную квартиру, в Красные казармы, в котором был расположен Карабинерный полк. С этого времени началась моя новая жизнь, жизнь оседлая.

Учебных карабинерных полков в Русской армии было четыре. 1-й учебный карабинерный полк был расположен в селе Медведе Новгородской губернии, 2-й — в Москве, 3-й — в Ярославле, 4-й — в Нижнем Новгороде. Специальность этих полков состояла в том, что каждый из них должен был ежегодно готовить и выпустить 250 человек унтер-офицеров — учителей по фронтовому образованию нижних чинов в армейских полках. Дисциплина была в этих полках строгая, взыскания по службе — жестокие. Таковы были требования тогдашнего духа времени. До какого совершенства зато было доведено фронтовое образование в этих полках, так нельзя было надивиться! Главное внимание обращалось тогда на ружейные приемы и маршировку, и вот, какие молодцы-артисты вырабатывались по этим предметам, например: вызывается какой-нибудь служивый лихач промаршировать (один из таковых и самый образцовый служил потом у меня, во вверенной мне церкви Екатерининского Богаделенного Дома в качестве помощника церковного старосты, а в настоящее время отошел *ad patros*), но как? Одевался в полную парадную форму; на кивер (тогдашний головной убор) ставят ему стакан с водой, он начинает маршировать в так называемые тогда приема, и вода в стакане,

не говорю о том, что не проливается, но даже почти не колыхнется — это факт; или, смотришь, бывало, как целая рота в 250 человек делает без команды все ружейные приемы до того отчетливо и согласно, что, пораженный подобным искусством, посторонний зрителъ только, бывало, в удивлении скажет: «Заведенная машина только так может делать, а не люди!». Да уж, признаться сказать, чего и стоило бедным солдатикам достигать такого совершенства!.. Каждый из учебных полков представлял собой как бы отдельный мир в миниатюре или отдельный городок. Чего только в этих полках не было! Были отличные хоры музыки, прекрасные хоры певчих. В нашем 2-ом полку хор певчих, после Чудовских, кажется, был первым в Москве. Были в этих полках знаменитые портные, сапожники, кузнецы, слесари, столяры, золотых дел мастера и проч. и проч. Одним словом, как говорится, чего хочешь — того просишь; в люди не ходили ни за чем. Спросят: откуда же брался этот ремесленный ученый люд? Из мастеровой команды, которая в Москве и причислена к учебному полку; в эту команду отдавались для обучения кантонисты разным ремеслам, и затем некоторых из них, по обучении, брали в полк.

Итак, вот в каком полку было место нового моего служения! Главное же преимущество этого места для священника военного ведомства состояло в том, что оно было постоянное, не передвижное. Мысль о скитальческой, военно-походной, бивуачной жизни на этом новом месте, меня уже не тревожила. Притом с материальной стороны моя жизнь на настоящем месте была достаточно обеспечена. Зажилось хорошо, покойно. Но при этом довольстве и внешнем спокойствии, я не мог иметь покоя внутреннего; на истерзанном сердце моем лежал тяжелый гнет — это горькая вдовая жизнь моя. При материальном обеспечении на настоящем месте, еще рельефнее выдалось и во всей мрачности сказалось вдовство мое. Не с кем было поделиться мыслями, не с кем сказать слово, все один и один!.. Куда ни пойдешь — один, откуда ни пойдешь — опять один!.. Неприглядная, грустная, горькая жизн!.. Но, *вси пути Господни милость и истина!* Взявши жену, Он Милосердый оставил в утешение мне сына; к нему начала тяготеть и вся моя привязанность, на нем теперь сосредоточилась вся моя любовь, все мои заботы, на нем-то я стал встречаться с духом и любовью матери и супруги, так как дух почившей, конечно, привитал на сироте-малютке. Итак, я начал жить исключительно для сына моего. Впрочем, в скором времени Господь возложил на меня и

другую заботу. После смерти родителя моего, и после смерти зятя, бывшего на месте родительском, осталось 6 человек сирот, которым нечем было существовать и неоткуда было ждать помощи для своего существования, я должен был содержать их, иначе они должны бы питаться Христовым именем, следовательно, остаток от получаемых мною материальных средств пошел на них — сирот, и идет до сих пор. Кто знает, кроме Его Единого, не с этой ли целью Он посетил меня вдовством, чтобы вручить мне сирот? Непостижимы, но правы суды Его, и все пути Его, действительно, милость и истина. Да будет же прославлен Господь наш во веки веков! И вот. На новом месте своего служения, я начал трудиться для сына и для сирот, данных мне Господом. Но, чтобы наполнить пустоту моей вдовской жизни и чтобы, сколько возможно, забыть свое несчастное положение, я всецело посвятил себя пастырским обязанностям, по исполнении которых, в остающееся свободное время, я начал заниматься наукой, преимущественно предметами Богословскими, историческими и другими. Работа над этими предметами оказала мне весьма важную услугу для будущей моей деятельности, как законоучителя, о чем сейчас будет сказано ниже.

В учебных карабинерных полках четвертые батальоны, называвшиеся неранжированными, были сформированы из малолетних детей-кантонистов. Из батальона этих кантонистов составлялась 4-классная школа низшего разряда с курсом общеобразовательных предметов, в состав которых входит, конечно, как во всех учебных заведениях, и Закон Божий. И вот я, с разрешения и благословения духовной власти, вступил в должность законоучителя в школе кантонистов. Но эти школы в научном отношении находились в жалком положении. Внимание военного начальства при образовании кантонистов было главным образом обращено на требование тогдашнего духа времени в военном ведомстве, именно — на фронтовое образование — это *condition sine qua non*, без него нельзя было надеяться солдату быть произведенным в унтер-офицерское звание; кантонисты же, по достижении 18-летнего возраста, зачислялись на действительную службу и поступали во фронт и там, следовательно, стремились всеми силами получить вожделенное звание — унтер-офицерство; а потому научное образование хотя и полагалось в этих школах кантонистов, но было решительно *pro forma*, так что являешься, бывало, например, в класс и что же видишь? Учеников в классе менее половины,

спрашиваешь: «Что это очень мало слушателей?». Отвечают: «Ушли на ученье», — то есть на фронтовые занятия или, что еще хуже, услыны, говорят на казенные огороды работать, так как в учебных карабинерных полках было свое хозяйство, убиралось же оно своими солдатиками и вообще полковыми средствами. А между тем, научное образование в школах кантонистов могло бы идти очень хорошо, так как учителя этих заведений, вышедшие из тех же хотя кантонистов, но (следует о них сказать слово правды) были люди дельные, хорошо каждый из них знал свой предмет и вообще были опытны в деле преподавания; этого они достигали собственными средствами и усиленными занятиями. Вот в каком жалком положении находилась наука в военных школах!..

В 1855 году Россия понесла огромную утрату — скончался Государь Император Николай Павлович. Со вступлением на прародительский Всероссийский престол ныне благополучно царствующего Государя Императора Александра Николаевича, прежде всего, по Самодержавной воле Его, была окончена в 1856 году война; многострадальный Севастополь сделался очистительной жертвой, был заключен мир; а затем начался ряд тех благодетельных реформ, которыми ознаменовано нынешнее царствование и которые отметятся золотыми буквами в мировых событиях на страницах истории. Я не буду перечислять все благодетельные реформы, они известны не России только, но и всему миру, и везде имя Великого Царя-Освободителя произносится с благоговением. Укажу только на те законодательные постановления, которые касались военного быта и сословия. Так, в 1857 году последовало Высочайшее повеление о расформировании и совершенном упразднении учебных карабинерных полков, как несоответствующих требованиям военного дела в данный период времени. Вслед за этим, состоялось Всемилостивейшее соизволение на уничтожение звания кантонистов. Слезы благодарности и теплые молитвы понеслись к престолу Царя Небесного за Царя-благодетеля от солдат-отцов и их детей-кантонистов. Действительно, это было величайшее благодеяние и милость для этого сословия, обреченного прежними законоположениями на безвыходное солдатское звание. У женатого солдата рождается сын, и, в силу тогдашнего действующего закона, с самого рождения он принадлежит уже не ему — отцу, а военному сословию; его сын уже маленький солдатик-кантонист, которому со дня рождения и отпускался от казны паек — пищевое про-

довольствие. Когда достигал этот маленький солдатик 10- или 12-летнего возраста, то родители обязаны были представить его в батальон военных кантонистов. Однажды, разговаривая с унтер-офицером из солдатских детей о некоторых служебных делах, я, между прочим, спросил, живы ли у него родители, и получив ответ, что живы, услышал от него оригинальное прибавление к ответу: «Ведь у меня, — присовокупил он, — дед был солдат, отец солдат, вот и я солдат, значит, я столбовой солдат». Вот это столбовую солдатчину Его Императорское Величество Государь Император Александр Николаевич Всемилостивейше повелел упразднить. Таким образом, учебные карабинерные полки были расформированы и батальоны военных кантонистов закрыты, и вместо них той же Высочайшей волей приказано: учредить училища военного ведомства и причислить к категории военно-учебных заведений. Во исполнение Высочайшего повеления учреждены были в разных городах училища военного ведомства, в числе которых было и Московское, куда я и был переведен как законоучитель и как настоятель церкви, так как бывшего учебного карабинерного полка церковь передана была вновь учрежденному Московскому училищу военного ведомства. С этого времени началась моя законоучительская деятельность, уже серьезная.

В училища военного ведомства принимаемы были дети 12-летнего возраста всех сословий, кроме податного, и приготовлялись здесь в продолжение 4-летнего курса, по окончании которого выпускались разными званиями: одни топографами, другие кондукторами, третьи писарями и все для военного ведомства, в котором обязаны они были прослужить за воспитание 6 лет в том звании, каким были выпущены из училища на службу. По окончании этого срока, они могли держать экзамен на классный чин. Наименование училищ военного ведомства эти недавно сформированные военно-учебные заведения носили не долго. Через три года от своего основания они получили название военных начальных школ, без всякого, впрочем, изменения как относительно приема малолетних в школы, так и научного образования и выпуска воспитанников на службу, то есть они и отсюда выпускаемы были теми же званиями, какими прежде выходили из училищ военного ведомства. Но и военные начальные школы существовали недолго, из них вскоре составлены были военные прогимназии. Когда совершались метаморфозы с этими военно-учебными заведениями, и со мной происходили те же перемены.

Я был законоучителем то Московского училища военного ведомства, то тем же званием был переведим в Московскую военную начальную школу и в Московскую военную прогимназию. По учреждении военных прогимназий изменилось здесь многое. В силу законоположений об этих учебных заведениях, приравненных к военным гимназиям, положено было, во-первых, принимать в них детей только привилегированных сословий — потомственных и личных дворян, чиновников и почетных граждан, и, во-вторых, научное образование в них было возвыщено. Специальность прогимназий состояла в подготовлении детей для слушания курса в юнкерских училищах. В это же почти время основана была в Москве учительская семинария военного ведомства с исключительным назначением — приготавливать свой контингент учителей для военно-учебных заведений низшего разряда, к которому относились военные прогимназии, в которых по сие время и состоят воспитателями и учителями окончившие курс в учительской семинарии. Но так как Московская учительская семинария военного ведомства первоначально формировалась и потом три года состояла при Московской военной прогимназии, то все это время я был законоучителем и в учительской семинарии. В 1866 году, когда Московское пехотное юнкерское училище было переведено в Красные казармы, которые находятся рядом со зданием, занимаемым Московской военной прогимназией, то военное начальство просило меня быть законоучителем и юнкеров — и я, с разрешения духовной власти, принял на себя и там эту должность, которую прохожу и по настоящее время. Таким образом, в одно и то же время я был законоучителем в трех военно-учебных заведениях. Деятельность и труды мои по званию законоучителя в поименованных учебных заведениях состояла, как и всякого законоучителя, в том, чтобы научить и укоренить в юношах правила веры и благочестия, как главный, необходимый и самый прочный фундамент научного образования. Особенное внимание я обратил на то, чтобы оградить и сберечь в питомцах драгоценное сокровище — веру; это было крайне нужно в то прискорбное время 60-х годов, когда стал прокрадываться и проводиться злонамеренными людьми и в учебные заведения этот бессмысленный нигилизм. Ратуя за Божественные истины, я немало имел неприятных столкновений с людьми из враждебного лагеря. Укореняя и ограждая в воспитанниках правила веры и благочестия, я преимущественно старался об образовании юношеского сердца. К прискорбию, надо ска-

зать, что у нас и семья, и школа напрягают все силы к тому только, чтобы развить и обогатить у детей и юношества ум разнородными знаниями, в этом полагается вся задача воспитания и образования, а на образование сердца не обращается почти никакого внимания. Между тем как эти две силы души — ум и сердце — должны идти в деле образования рука об руку, и человек вполне образованным становится и может называться тогда только, когда у него эти силы души — ум и сердце — одинаково развиты. А от одного образования ума вот нередко что бывает и на что наталкиваешься: встречается, например, человек универсально образованный, ученый, умный, но, всматриваясь в него, наблюдая за его действиями, к несчастью, видишь, что это человек как будто без сердца; он холоден, его не трогает ни бедность, ни несчастья ближнего, ко всему он равнодушен, не имеет ни малейшей доли чувства сострадания, спокойно пройдет, пожалуй, мимо умирающего от холода и голода. От одного умственного образования, действительно, всегда будут такие плоды, если только осталось нетронутым, необразованным сердце, а такое образование есть образование одностороннее, неполное. Между тем, вот еще какое странное явление случается видеть: в присутствии родителей посторонние лица, занимаясь и любуясь детьми их, скажут (нередко, чтобы польстить родителям, почесать их самолюбие): «Ах, какие умные дети у вас!» — такой отзыв о детях родителям нравится, самодовольствие тотчас засияет на их лицах; но если бы те же самые люди, любуясь теми же самыми детьми, сказали: «Какие у вас добрые детки-то...» — на это родители не обратят внимание, и не особенно приятно будет им слышать такой отзыв о их детях. Что же иное это доказывает, как не односторонний взгляд на дело образования!.. Так шла моя законоучительская деятельность день за днем, год за годом до того времени, когда, принеся посильный вклад в великое дело воспитания юношества, я мог оставить эту святую обязанность и уступить ее другому с силами более молодыми и не уставшими. Это и случилось в 1870 году. Я оставил Московскую военную прогимназию. Правительство назначило мне за службу законоучительскую определенную законом пенсию; а епархиальная власть (в 1868 году, в силу Высочайшего повеления о церквях военных прогимназий, я был перечислен из военного в епархиальное ведомство) определила меня настоятелем Воскресенской, в Императорском Екатерининском богаделенном доме, церкви, при которой и состою в настоящее время.

В конце этих кратких моих воспоминаний, я намерен сказать несколько слов о той деятельности, о тех особых трудах — публичных моих беседах с народом, которые я предпринял с благословения Высокопреосвященнейшего митрополита Московского Иннокентия, именно, что побудило меня беседовать с народом — есть ли от этого польза, видны ли плоды этого делания и, вообще, нужны ли такие занятия с народом?

На настоящем месте моего служения, за исполнением прямых пасторских обязанностей, у меня оставалось довольно свободного времени; и вот, чтобы не тратить время непроизводительно, употребить его с пользой, я решился посвятить его на осуществление моей давней задушевной мысли — решился употребить и остающееся свободное время, и остаток моих сил на пользу простого народа, которого оказалось так много в той местности, где я поселился — эта местность фабричная. Меня, действительно, давно занимало жалкое положение нашего простого рабочего народа, особенно фабричного, находящегося в Москве. Вот, думал я, достойный сожаления народ. Народ, в котором следует принять самое теплое сердечное участие, так как он блуждает во тьме невежества и, вследствие этого, предается разным безобразиям и порокам, а между тем, как будто никому и дела до него нет. Я скорбел душой, говорю по совести, видя отчужденное положение нашего простого народа, всеми оставленного, брошенного на произвол судьбы и предоставленного самому себе. Нужно ли после этого удивляться, что этот брошенный и предоставленный самому себе народ, не знающий и не имеющий возможности пользоваться иными невинными, более облагороженными удовольствиями, в свободное время, особенно в дни праздничные и скитался, и скитается, по слову апостола, и в горах, и в вертепах, и в пропастях земных, то есть заходит в такие места, где оставляет и трудовую копейку и наживает нездоровье, где слышатся не гласы преподобные, а бесчинный вопль страстей, ссоры и брань сквернословия. Отсюда, в силу такого их поведения, такого образа жизни, такого времязпровождения и слышались, и слышатся очень нередко и теперь в нашем обществе, об этом брошенном народе, отзывы вроде следующих: «Наш простой народ страшный невежда, с нашим народом ничего не поделешь, наш народ распьянистовался и т. д.», — и закидали бедный наш народ камнями, забросали грязью! Между тем, как из этих глашатаев, из этих порицателей и непризванных судей народа, ни один ведь не хочет принять на себя труд — подойти поближе к этому народу, принять в нем участие, заняться

им. Если бы кто сделал попытку в этом роде, то, я заверяю, он увидел бы оборотную сторону медали. Говорю так теперь по опыту, но и прежде, до публичных моих бесед с народом, я думал и говорил об этом предмете также. Еще задолго до начала публичной моей народной деятельности, из частых моих сношений и столкновений с простолюдинами я вполне убедился, что народ наш расположен ко всему доброму, что он жаждет послушать и почерпнуть где-нибудь и что-нибудь для себя полезное. Эта та насущная и вопиющая потребность народа и искреннее мое желание принести посильную пользу этому жаждущему, но почти всеми оставленному и забросанному камнями и грязью народу вызвали меня к трудам и занятиям — публичным духовно-нравственным беседам с народом, которые я и веду вот уже почти 10 лет. Испросив на это в высшей степени полезное и благотворное дело разрешение покойного Высокопреосвященнейшего митрополита Московского Иннокентия, который с особенной архиpastырской радостью благословил меня на это занятие, я и открыл в 1871 году мои публичные беседы. Первоначально я открыл беседы только с призреваемыми Екатерининского богаделенного дома, с сердечным желанием доставить им пищу более для них нужную, пищу духовную, то есть питать души их Словом Божиим — и этим самым имел в виду руководить их и приготовлять, как людей престарелых, к переходу в жизнь загробную. Но слух об этих беседах скоро пронесся по всей окрестности, и стало являться вместе с призреваемыми на эти беседы много лиц посторонних, и чем время шло дольше, тем более и более прибавлялось слушателей, и исключительно простого фабричного народа, народа темного, как сам о себе он выражается. С этого времени и приняли мои беседы характер публичных собеседований с народом. Слушателей стало собираться так много, что не находилось уже в здании места для всех, и потому я вынужден был в летнее время беседовать с ними на открытом воздухе. В настоящее время имеется особое здание, устроенное при Императорском Екатерининском богаделенном доме в 1875 году к 100-летнему юбилею этого дома попечителем тайным советником К. К. Шильдбах исключительно для моих бесед и носящее название Читальни. В этой-то читальне я и продолжаю до сего времени занятия мои с народом во все воскресные и праздничные дни и намерен продолжать, если только будет угодно Господу. Намерен, говорю, продолжать, потому что во все времена моих публичных бесед я видел и вижу всегда одно — сильнейшее желание народа

да послушать и усвоить что-нибудь для себя доброе и полезное; намерен, скажу более, потому что такие беседы пастырей церкви с народом есть одно из виднейших средств остановить народ от пьянства и, вообще, от того безобразия, которому он предается в праздничное время. В этом совершенно убедил меня (да, кажется, теперь все убеждены в этом) почти 10-летний опыт моих публичных собеседований с народом; иначе, я не продолжал бы это дело, я не тратил бы здоровья, значительная половина которого уже истрачена и невозвратима, если бы не видел плодов этого делания, но они для меня и для других более чем очевидны. И действительно, я всегда вижу, с какой охотой идет народ на эти беседы, с какой любовью, с какой жаждой он слушает мои простые безыскусственные слова, слушает и, сколько мне известно, слышанное прилагает к жизни и деятельности, стараясь бросить худые наклонности и привычки. Если бы кто отнесся с недоверием и усомнился в истине всего сказанного, в пользу подобного занятия с народом, такому я могу сказать только то, что сказал Филипп Нафанаилу: «приди и виждь!». Пусть такой скептик пожалует на эти беседы, и ему представится масса народа, обратившегося в слух и внимание. Придя на эти беседы, пусть таковой полюбопытствует и спросит кого-нибудь из среды народа: хорошо ли такое времяпровождение и нравятся ли им эти беседы? Вероятно, он услышит тот же ответ, какой я, занимающийся этим делом, всегда слышу, именно: «что-де мы, то есть народ, ждем не дождемся праздника, чтобы идти на беседу. Ведь эти беседы, — скажет спрошенный (говорили и заявляли они так печатно, см. «Моск. Вед.» 1875 г. № 15), — сколько добра, сколько пользы приносят и для нашего ума, и для нашей нравственности. Многие из нас, например, бросили худые наклонности и привычки, особенно эту губящую страшную наклонность — пьянство, а другие борются с этим нашим народным врагом и всей силой своей воли стараются победить его, и, при помощи Божией, конечно, победят». Вот что услышит от народа желающий проверить и узнать, полезны ли такого рода занятия с простолюдинами. Затем, нужны ли, желательны ли такие беседы с народом — об этом и говорить нахожу не нужным, так как дело само за себя говорит.

Считаю не лишним в заключение представить краткий конспект моих занятий, то есть, что я делал и делаю до сего времени с народом на каждой беседе. Это указание, может быть, послужит руководством кому-нибудь из пастырей церкви.

Предметы для каждой беседы, скажу прежде всего, были разнообразные, но не один предмет, и шли обыкновенно в таком порядке: в начале беседы было всегда объясняемо дневное Евангелие и Апостол. Если же беседа была в день не воскресный, а в какой-либо из двунадесятых праздников, то рассказывалась история празднуемого события, при этом обращалось внимание слушателей на те особенности в Богослужении, которыми отличается праздник. Затем предлагалось и объяснялось в систематическом порядке на каждой беседе, понемногу, христианское вероучение, в другой год, вместо вероучения рассказываема была, понемногу же, история Ветхого и Нового Заветов; в третий год, вместо исторических рассказов, объясняемо было Богослужение православной церкви, а особенно, и не один раз, объясняема была Божественная Литургия, после чего, душевно утешаемые, мы видели, что народ стоит и молится в храме Божием более сознательно; на четвертый год предлагались рассказы из отечественной истории, здесь обращено было внимание слушателей на наших предков — язычников, на их верования, нравы, обычай, и указано было, что суеверия и предрассудки, которые и теперь находят место в народе, берут начало свое отсюда, из глубокой языческой древности, верить которой христианину и грешно, и стыдно. Далее, на беседах я часто также касался разных сторон крестьянского быта слушателей, и, кажется, ни одна беседа не проходила, чтобы так или иначе не затронута была мной главная народная болячка — пьянство. Потом материалом для собеседования были современные события, например, минувшая война с Турцией и т. п., а последние два года очень нередко один предмет был для беседы — это подпольная крамола и адские ее злодеяния, которые, к величайшему прискорбию, пришлось нам переживать. При этом указано, разъяснено было народу, кто она, эта подлая крамола, чего желательно ей достигнуть и как она старается пробраться в простой народ; рассуждения и собеседования об этом адском обществе были самые оживленные. Перед окончанием беседы я всегда прочитывал какую-нибудь статью или религиозно-нравственную, или историческую, но чаще всего — из крестьянского их быта такую статью, где рассказывается какое-нибудь происшествие или описываются гибельные последствия какого-нибудь порока. Это чрезвычайно на народ действует, и подобные статьи им очень нравятся. В заключение каждой беседы предлагались чтения с туманными картинами о разных предметах. Это уже, если можно так выразиться, предлагалась

как бы конфетка после обеда. Так как материал для каждой беседы был разнообразный, то она всегда продолжалась около трех часов. Беседуя с простолюдинами, я старался развить в них любознательность, желал, чтобы они обращались ко мне с вопросами о своих недоумениях, чего я и достиг; ибо в настоящее время не пройдет ни одна беседа, чтобы народ не предложил для разъяснения несколько вопросов, и тогда беседа принимала характер собеседования, которое становилось очень интересным. При этом, неред-

ко приходилось от народа выслушивать неправильное понимание и объяснения Священного Писания и обрядов церкви, приходилось выслушивать разные народные верования, суеверия и предрассудки, неправильность и нелепость которых тотчас показывалась, и восстановлялся истинный смысл предложенного вопроса, и разъяснялось недоумение. Таков общий характер моих почти 10-летних бесед с народом! Подробное изложение моих занятий я имею в виду напечатать отдельно.

